

Сегодня мы можем только ставить вопрос, по какому пути и под воздействием каких механизмов шло становление идентичности, обретение гендерного самосознания как женщин, так и мужчин. Перспективной представляется именно работа на

пересечении, с одной стороны, теорий модернизации (макроуровень), с другой – смеховых и игровых концепций (средний уровень) и, наконец, понятий установки, бессознательного, обращаясь к внутреннему миру личности.

Литература

1. Бахорский Г.Ю. Тема секса и пола в немецких шванках XVI века // Одиссей. Человек в истории. М., 1993.
2. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Ч. 1. М., 1995.
3. Нодиа Г. Человек смеющийся в контексте философии культуры // Философия. Культура. Человек. Тбилиси, 1988.
4. Михайлов А.Д. Старофранцузская городская повесть фавлио и вопросы типологии средневековой литературы. М., 1986.
5. Хренов Н.А. Игровые проявления личности в переходные эпохи в истории культуры // Общ. науки и современность. 2001. № 2.
6. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.
7. Михайлов А.Д. Примечания // Пятнадцать радостей брака. М., 1991.
8. История семьи. Обзор новых концепций // Культура и общество в средние века в зарубежных исследованиях. М., 1990.
9. Фавлио. Старофранцузские новеллы. М., 1971.
10. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII века // Одиссей. Человек в истории. М., 1990.
11. Бессмертный Ю.Л. Брак, семья и любовь в средневековой Франции // Пятнадцать радостей брака. М., 1991.
12. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. М., 1991.
13. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1991.
14. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Возрождения. М., 1965.

Г.Г. Супрыгина

К ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ XX ВЕКА: ЕВРЕЙСКАЯ ЖЕНЩИНА В ЭПОХУ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Томский государственный педагогический университет

Еврейское население появилось на территории Германии в IV в. вместе с римлянами. За время проживания в германском обществе оно знало периоды относительно стабильного существования, покровительства со стороны правителей и тяжелые времена гонений и преследований, например, в эпоху крестовых походов, во время войн, социальных кризисов, эпидемий. Несмотря на длительную совместную историю, обыденное сознание значительной части коренных жителей Германии воспринимало евреев как «чужих», так как они исповедовали иную религию, были стойко привержены своим обрядам и традициям. Местное население порой было склонно объяснять свои экономические затруднения последствиями операций, которые проводила заметная по численности группа ростовщиков еврейского происхождения [1, S. 12].

Закреплению антисемитских предрассудков в социальной психологии немцев способствовал Мартин Лютер, который оказал огромное влияние на духовное развитие не только современников, но и последующих поколений. Вначале он надеялся привлечь евреев к протестантизму, однако стойкая приверженность евреев иудаизму вызвала ярость у Лютера. Вскоре он заклеил их, призвал соотечественников изгнать иудеев [1, S. 13].

Период конца XIX – начала XX вв. ознаменовался новой волной антисемитизма. Она была вызва-

на реакцией части коренного населения Германии на процесс эмансипации евреев в эпоху модернизации. Еще до объединения Германии было отменено большинство ограничений для евреев в сфере торговли и ремесла, после образования в 1871 г. Германской империи они получили равноправие. Эмансипация способствовала проникновению представителей еврейства в банковское дело, сферу юстиции, науки, в новые прибыльные отрасли промышленности и др. Этот процесс воспринимался частью коренного населения как неправомерное «возвышение» евреев. Проникновение представителей еврейства в значимые для общества сферы пробудило антисемитский архетип в сознании части немцев. Антисемитизм не был феноменом одной лишь немецкой истории, а имел европейское измерение. Но, по утверждению современной немецкой исследовательницы М.-П. Хиллер, к концу XIX в. «в Германии развился агрессивный антисемитизм, без которого невозможно было представить холокост» [2, S. 41]. Тем не менее сложный и противоречивый путь поиска идентичности, своего места в германском обществе в эпоху модернизации конца XIX – начала XX вв. завершился для большей части еврейского населения в пользу статуса «германского еврея» – гражданина Германии еврейского происхождения. Таковыми они воспринимались и большинством германского общества.

Процесс эмансипации затронул и еврейских женщин, хотя они в большей мере, чем мужчины, были привержены традиционным ценностям, ориентированы на семью. Но, когда в начале XX в. в Германии был разрешен прием девушек в университеты, молодые еврейки использовали этот шанс. Первой женщиной-профессором в Германии в 1912 г. стала еврейка Лидия Рабинович-Кемпнер, сотрудница Р. Коха. В годы Веймарской республики еврейские женщины получили равные с мужчинами права и освоили современные профессии.

В 1925 г. в Германии проживало 564 тыс. евреев, 52,3 % из них являлись женщинами. В конце 1933 г. 70 % германских евреев являлись жителями крупных городов. Более 60 % еврейского населения традиционно были заняты в торговле и транспорте (из остальных граждан страны – лишь 18 %). В сельском хозяйстве трудилось менее 2 % евреев. До Великой депрессии экономическое положение городского еврейского населения было более благоприятным, чем у основной массы коренных немцев. В. Бенц, один из видных современных исследователей ФРГ по истории евреев, указывает, что доход жителя Берлина еврейского происхождения в 1928 г. почти в два раза превышал доход среднестатистического берлинца. Основная масса городского еврейского населения относилась к «среднему сословию» [3, S. 270–271]. Эта разница в благосостоянии не оставалась незамеченной коренными немцами.

Еврейские женщины в целом находились в более благоприятном положении, чем представительницы других групп германского населения. Значительная их доля принадлежала к состоятельному слою, они имели семьи с небольшим количеством детей, сравнительно меньше работали вне семейного бизнеса и, как правило, имели прислугу. В эпоху модернизации в ассимилированных обеспеченных семьях закрепилась установка давать хорошее образование не только сыновьям, но и дочерям. Правда, подавляющая часть еврейских девушек ограничивалась получением какой-либо профессии, в то время как юноши обучались в университетах. Тем не менее в начале 1933 г. число студенток еврейского происхождения в семь раз превышало число студенток из других групп населения [3, S. 138]. Распространенным явлением стало участие незамужних женщин в общественном труде. К началу 1930-х гг. доля работающих еврейских женщин достигла 27 % (нееврейских – 34 %) [4, S. 137]. Еврейки отличались и более высоким уровнем общекультурного развития, привычкой посещать не только театры, концерты, выставки, но и публичные лекции, научные доклады. В то же время в еврейских семьях более твердо соблюдалось традиционное распределение ролей. Главной, почти исключительной обязаннос-

тью еврейской женщины при любых обстоятельствах считалась забота о семье и доме. Большинству евреек семейным воспитанием, общиной было привито чувство этнической солидарности, религиозного единства.

Приход нацистов к власти повлек за собой регресс в социальном развитии еврейского населения, особенно его женской части, вызвал кризис национального сознания. Национал-социалистская партия Германии с 1919 г. вела воинствующую антисемитскую пропаганду, умело используя архетипы сознания и предрассудки немецкого населения. Нацисты внушали обывателю, что еврей является «неполноценным» и не может быть полноправным членом общества.

Уже 7 марта 1933 г. по решению руководства НСДАП штурмовики провели кампанию устрашения евреев с применением насилия с целью их «вытеснения» из Германии, очищения от них «жизненного пространства» для арийцев. Эти акции были свернуты из-за негативной реакции международной общественности. Но 1 апреля 1933 г. началась кампания бойкота еврейских магазинов и товаров под лозунгами: «Немец, покупай в немецких магазинах!»; «Тот, кто покупает у евреев – тот предатель отечества!» и пр. [5, S. 26–27].

Для проведения антисемитских акций нацисты были вынуждены дать дефиницию «кто такой еврей» и что такое «еврейское предприятие». Ранее такие попытки не увенчались успехом из-за сложности идентификации еврейства, высокого процента смешанных браков в Германии. Национал-социалисты оперативно приняли серию законов, явившихся базой для политики расизма, сегрегации и впоследствии геноцида евреев. Декрет от 11 апреля 1933 г. устанавливал, что «неарийцем» является каждый, кто происходил от неарийца, особенно еврея, даже в третьем поколении. Всего за 1933–1939 гг. было издано около 400 законов и постановлений, нередко имевших абсурдный характер и нацеленных на вытеснение евреев из жизни германского общества. В 1933 г. были приняты законы, предписывающие всем государственным служащим, работникам юстиции, системы высшего образования, врачам, редакторам неарийского происхождения уйти на пенсию или уволиться с занимаемых ими должностей.

Старт новой антисемитской кампании дали постановления, принятые в сентябре 1935 г. на съезде НСДАП в Нюрнберге. Их ядро составили законы «О гражданах рейха» и «О защите немецкой крови и немецкой чести». Первый закон гласил, что гражданином рейха является только подданный государства германской или родственной крови. Второй в целях сохранения «чистоты» немецкой нации запрещал браки и интимные связи между евреями и гражданами Германии. Наруши-

тели карались денежными штрафами и заключением в тюрьму. Для расторжения брака было достаточно решения прокурора, а не суда. Многие женщины-еврейки были оставлены своими мужьями-немцами, испытывавшими страх перед режимом [6, S. 152–153]. «Нюрнбергские» законы многократно дополнялись и получили в современной немецкой литературе название «исключительных», так как вывели еврейское население за грань «нормального», т.е. обычного права, продолжавшего действовать для членов «народного сообщества». Они носили четко выраженный сегрегационный характер.

До 1937 г. формально евреям не запрещалось заниматься предпринимательством. Однако в ходе выполнения 4-летнего плана подготовки к войне, принятого в 1936 г., обнаружился дефицит средств, и в 1938 г. началась кампания по захвату еврейской собственности, получившая название «аризации». Путем шантажа и насилия нацисты вынуждали еврейских владельцев за бесценок продать свое имущество «арийцам». К апрелю 1939 г. три четверти еврейских предприятий попали в руки немецких собственников [7, с. 28]. В результате «аризации» многие еврейские семьи лишились средств к существованию.

В конце 1938 г. нацисты перешли к террору, чтобы вынудить еврейское население эмигрировать из Германии. В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. они в масштабах всей страны провели акцию, получившую название «хрустальной ночи». Она вылилась в массовые погромы, грабежи, сожжение синагог, аресты, сопровождалась убийствами, которые наполнили страхом женщин за жизнь мужей, родственников мужского пола. С вторжением немецкой армии на территорию СССР начался этап «окончательного решения еврейского вопроса». Главной задачей его стало уничтожение еврейского народа.

Антисемитская политика уже в первые годы нацистского режима подорвала материальные основы жизни еврейского населения. В первую очередь безработица обрушилась на еврейских женщин, поскольку они были заняты преимущественно на предприятиях, которые принадлежали соплеменникам и были закрыты вследствие бойкотов, «политики выравнивания» числа еврейских и немецких предприятий, затем насильственного отчуждения еврейской собственности в ходе политики «аризации». Их увольняли в первую очередь и немецкие работодатели, так как в 1933 г. нацисты начали кампанию по ликвидации «двойной занятости» женщин – в домашнем хозяйстве и на работе. К середине 30-х гг. $\frac{3}{4}$ еврейских женщин, работавших до прихода нацистов к власти в торговле и ремесленном производстве, стали безработными [4, S. 140].

Кардинально изменились шансы еврейских девушек при получении общего и профессионального образования. Набор еврейской молодежи в высшую школу был ограничен 1.5 %. Долю уже обучающихся еврейских студентов было предписано сократить до 5 %. (В мае 1933 г. в вузах Берлина доля еврейских студентов составляла 8.2 %.) Вначале девушкам-еврейкам еще удавалось оставаться в вузах, если их родители были состоятельны и имели статус в обществе. Но уже в 1934 г. «неарийские» девушки среди студенток вузов Пруссии составляли всего 0.8 %. В Берлине многие студенты были вынуждены перейти в единственную в городе еврейскую гимназию. В общеобразовательных школах вначале были выделены «еврейские» классы, затем были организованы «еврейские» школы. В 1937 г. еще до «хрустальной ночи» 60 % еврейских девочек и мальчиков посещали национальные школы [8, S. 24, 26]. Немаловажными причинами их ухода из обычной школы явились обязательное изучение расовой теории, участие в официальных нацистских праздниках, использование приветствия «Хайль Гитлер», оскорбления, с которыми сталкивались дети, и пр.

Мизерные квоты на обучение в вузах сделали призрачными надежды еврейских девушек на получение современной профессии. Реально оценивая ситуацию, большинство их стало выбирать малопривлекательные для них профессии. В 1937 г. более половины их заявили о решении получить профессию для работы в сфере ремесленного производства, торговли, в области социальной опеки, домашнего хозяйства по найму. Многие девушки обучались профессии, имея в виду не работу в Германии, а эмиграцию в Палестину, США и другие западные страны [4, S. 140]. Шансы девушек на получение профессии ухудшились еще и в связи с тем, что родители и службы социальной помощи еврейской общины при распределении ограниченного числа мест профобучения отдавали предпочтение юношам, которые, согласно традиции, являлись потенциальными главами семей. Так, в 1938 г. журнал Союза еврейских женщин сообщал, что местное отделение службы взаимопомощи выделило 72 места для профессионального обучения юношам и только 10 девушкам [4, S. 141].

«Исключительное законодательство» нацистов коренным образом изменило экзистенциальные условия еврейского населения. Женщины столкнулись с большими трудностями при выполнении домашней работы, трудовых обязанностей, в уходе за старшими родственниками и членами общины из-за отключения телефона, конфискации электроприборов, запрета не только владеть, но и пользоваться автомобилем и даже велосипедом, уличными таксофонами. Во многих землях Германии евреям было запрещено пользоваться общественным транспор-

том, они могли входить лишь в специальные вагоны с отгороженной передней площадкой, изолирующей их от «арийцев», и то лишь в том случае, если «от дома до работы было не менее шести километров» [9, с. 215]. Им было отказано в получении социальной и качественной медицинской помощи. Большие трудности возникли у женщин в связи с постановлением, запрещающим евреям делать покупки в обычных магазинах. Они могли приобрести продукты только в специально отведенных для них «еврейских лавках», в определенные часы и с все более скудным ассортиментом, который с начала войны часто ограничивался брюквой и капустой. Им не разрешалось покупать товары, не относящиеся к предметам первой необходимости: сладости, сигареты, цветы, кофе и все прочее, что могло доставить удовольствие.

Изменилась конфигурация их среды обитания. Женщины лишились привычного культурного досуга вследствие запрета посещать театры, концертные залы, библиотеки, публичные доклады, подписываться и покупать печатные издания, заниматься фотографией. Еврейским лицам был закрыт вход в бассейны, рестораны, запрещено было появляться на курортах. Изданные летом 1935 г. постановления вначале лишили еврейских женщин возможности гулять с детьми, семьей, друзьями в парках и садах, затем для них закрыли определенные территории города, например центр, правительственные кварталы. Строго регламентировалось их время пребывания вне дома: в конце 30-х гг. евреи не имели права появляться на улице между 21 ч вечера и 5 ч утра [10, S. 120–121].

С началом войны радикально ухудшились жилищные условия еврейских семей. Их повсеместно выдворяли из квартир, которые предоставлялись «арийцам», утратившим квартиры во время бомбежек или просто имевшим худшее жилье [5, S. 29]. Позднее евреев стали селить в отдельных кварталах, после сокращения численности – в отдельных домах с табличкой «Judenhaus» – «еврейский дом», где проживание приобретало коммунальный характер. Многократное переустройство быта семей ложилось преимущественно на плечи женщин.

В эпоху нацизма изменился внешний вид еврейских женщин: им было предписано сдать в «фонд государства» шерстяные и меховые вещи, они не получали талонов на одежду, и она становилась все более скромной, порой убогой. Многие женщины из-за скученности в местах проживания, отсутствия удобств в них, невозможности пользоваться парикмахерской, коротко остригли волосы. С 19 сентября 1941 г. во всех общественных местах, где евреи могли встретиться с арийцами, они должны были носить еврейский знак отличия – желтую шестиконечную звезду Дави-

да, на которой значилась черная надпись «еврей». Желтый цвет в средневековье являлся отличительным цветом евреев, цветом зла, которого следовало избегать. По свидетельству ученого-филолога В. Клемперера и многих других, переживших двенадцать адских лет нацизма, это было одно из самых тяжелых испытаний для евреев. Он пишет, что «каждый еврей с нашитой звездой носил гетто с собой, как улитка свой домик». Ученый, отмечал, что мужчины, а особенно женщины, тяготились звездой и порой муфтой, шарфом или сумкой «прикрывали ее, возможно, непреднамеренно и на какие-то секунды, а может и сознательно – ведь хочется разок пройтись по улице без клейма». Но это было чрезвычайно опасно – за попытку скрыть звезду полагался концлагерь [9, с. 214, 216, 220]. В. Бенц в своем фундаментальном исследовании «Евреи в Германии 1933–1945 гг.» приводит отрывок письма еврейки Й. Маковер сестре. В нем она делится чувствами, оставившими глубокий отпечаток в ее сознании от ношения звезды Давида: «Мы носили звезду все время... это глубоко ранило душу и... ужасающим образом буквально закупоривало все твое существо, и ты все время был чем-то подобен клоуну, так что потом это (ощущение) никогда невозможно было вытравить. И самое плохое было в этом, что однажды ты должен был осознать, насколько обнаженной и неприкрашенной, что свойственно лишь зверям, может предстать человеческая натура, и что ты постигаешь всех людей с перспективы глубокого подвала (в котором прячешься). И речь шла не только о гестапо... а о том, что так же и все другие люди в большей или меньшей степени покинули тебя» [3, S. 629].

Большинство обозначений вводилось с целью изоляции евреев и предостережения «арийцев» от соприкосновения с ними. На первой странице паспорта евреев ставился специальный штамп – трехсантиметровая красная буква – «J», что означало по-немецки «Jude» – «еврей». Эта печать изгоя сопровождала их повсюду. На продуктовых карточках, которые женщины предъявляли в магазинах, вначале печатали одну букву «J», позднее их помечали словом «Jude», расположенным по диагонали, а под конец печатали его на каждом талоне, в некоторых карточках до шестидесяти раз [9, с. 103].

В историографии национал-социализма в ФРГ с 80-х гг. стали появляться работы, которые относятся к так называемой устной истории. Некоторые из них содержат большое количество интервью и воспоминаний (нередко анонимных) женщин-евреек, переживших детьми или взрослыми часть или всю эпоху гитлеризма. Эти исследования дают детальное представление об условиях существования и психологическом состоянии еврейских девушек и женщин в эти годы. Большинство имеющихся в

литературе свидетельств такого рода дают описания тягот повседневной жизни, взаимодействия с враждебной средой еврейских девушек и женщин и чувств, которые охватывали их. В работе М. Клинер-Фрук «Речь шла о выживании» одна из интервьюируемых по фамилии Цандер повествует: «В то время нам, еврейским ученицам, стало невозможно учиться дальше. Вокруг нас возникла атмосфера враждебности и ненависти, ни один человек не признавал нас больше, мы были дерьмом. На перемене мы вчетвером стояли в углу школьного двора. Никто не играл с нами. И каждый день дети, которые до этого были нашими товарищами по играм, выкрикивали нам все новые ругательства». Еврейские девочки и мальчики болезненно переживали исключение из классного коллектива, воспринимая его как немотивированную дискриминацию (цит. по: [8, S. 31–32]). Порой травля еврейских школьников вызывала у немецких подростков впечатление чего-то противоестественного, вынуждала задуматься. В книге Э. Дамански и Ю. де Лонг «Долгая тень войны» содержится рассказ респондента 1920 года рождения. Он повествует, что в 1936 г. в его классе училась еврейская девочка, с которой так плохо обошлись, что эта картина стоит у него перед глазами: «Школьники стояли перед классом и пели нацистскую песню со словами: “если еврейская кровь брызнет с ножа, то дело идет хорошо”. А она стояла рядом – с совершенно убитым видом. Это потрясло меня. Через некоторое время родители забрали ее из школы. Но мы впервые осознали это, когда ее не стало в классе» [11, S. 112].

Чувство страха, отчуждения от общества передают и зафиксированные воспоминания взрослых женщин. Они представлены в одной из признанных работ такого рода «Еврейская жизнь в Германии: свидетельства по социальной истории 1898–1945 гг.» Моники Рихартц. В многочисленных интервью женщины рассказывают о своих переживаниях, которые они испытывали, столкнувшись с безработицей, утратой собственности, публичными оскорблениями, насилием над мужьями и братьями. Но, по признанию респонденток, не менее болезненным оказался разрыв с друзьями, оторванность от привычной среды общения. Одна из них повествовала, что в городе, в котором она выросла, у нее сложилась традиция встречаться раз в месяц с подругами нееврейского происхождения. «Но после прихода нацистов к власти, – рассказывает она, – я больше не ходила на эти встречи, чтобы не создавать им трудности, связанные с присутствием еврейки». Но однажды она встретила в городе одну из них, которая убеждала респондентку, что она не должна сомневаться в том, что все они остались ее подругами. После этого разговора она решила пойти на следующую встречу. Накануне она не спала всю ночь, испытывая страх за себя

и подруг-христианок. Она была убеждена, что при встрече поймет их истинное отношение к себе, заметит даже малейшее чувство неприятия в момент ее появления. Но оказалось, что у нее «нет необходимости вглядываться в их глаза и улавливать отношение к ней по тону их голосов: стол в маленькой нише, в которой мы всегда собирались в кафе, был пуст и говорил красноречивее всего». Женщина резюмирует: «...я не могла упрекнуть их; они не должны были рисковать своим положением только для того, чтобы доказать мне, что у евреев в Германии есть еще друзья» (цит. по: [4, S. 139]). Как показала действительность, у евреев в Германии оставались (правда, все менее многочисленные) друзья, но общий сдвиг в общественном сознании и поведении немцев был негативным для еврейства.

Еврейские женщины и мужчины по-разному ощущали антисемитизм общества «третьего рейха». Женщины сталкивались с его проявлениями преимущественно через события повседневной жизни. Мужчины же, занятые в бюро, фирмах, получали представление о нем через законы, предписания, регламентации, которые постепенно подрывали их собственное дело или превращали в безработного. Ежедневно женщина видела отведенный в сторону взгляд соседей или знакомых при встрече на улице или в подъезде дома, слышала издевательские реплики случайных прохожих по поводу типичных черт внешнего вида. Нацистские издания были заполнены карикатурами, стихотворениями оскорбительного характера. В них белокурая «арийка» с косами, «излучающая свет», противопоставлялась черноволосой «коротко стриженной», «похожей на парня» еврейке [12, S. 25]. Гитлеровская пропаганда твердила, что ариец никогда не должен намеренно прикасаться к еврейке – разве что в публичном доме [13, с. 334]. М. Рихартц приводит анонимные воспоминания еврейской женщины, которая рассказывала о жизни, наполненной страхом: «...и вскоре “возникло ощущение, что наша принадлежность к еврейству стала всеми ненавидимым объектом-табу”, и оно было “непомерно удручающим, действовало почти так же тяжело, как и начавшиеся позднее погромы”». Она продолжает: «Если в магазине мне требовалось обратиться к служащим, то я боялась, что они ответят мне враждебно, если обнаружат, что я еврейка; когда я на улице ожидала трамвай, то я все думала, что водитель не остановится, если поймет, что я еврейка. Я ожидала чего-нибудь подобного всякий миг, и этот страх мучил меня, не оставляя ни на минуту. Я отказалась от посещения театра и кино еще задолго до того, как это было запрещено нам нацистами, потому что я не в силах была выносить пребывание среди людей, которые ненавидят нас» [4, S. 139].

Другим фактором, сталкивающим еврейских женщин с реалиями общественной жизни, в значительной мере проникнутой антисемитизмом, являлись переживания их детей. Мать-еврейка первая узнавала о том, что случилось с ее детьми в школе, и оказывалась перед необходимостью компенсировать травмирующее воздействие агрессивной среды школы на психику детей. Конечно, эта задача стояла и перед отцами, но они были больше заняты добыванием средств для семьи, а женщины старались не отягощать мужей рассказами детей о трудностях школьной жизни. Так, классная наставница вызывала в школу в первую очередь мать, а не отца, чтобы сообщить, что их ребенок исключен из школьных мероприятий. В работе М. Каплан «Повседневная жизнь еврейской женщины в Германии 1933–1939 гг.» приводится рассказ еврейской матери, вместе с детьми переживавшей выпад нацистской среды: «Моя дочь не плакала, когда она не могла вместе со всеми пойти на театральную постановку, так как ее исключили из группы, потому что она уже не была достаточно хороша для своих школьных друзей. ... Мне кажется, что учительница-нацистка иногда стыдилась, когда видела печальные глаза моей девочки. Так, несколько раз она вызывала меня и просила вообще не посылать ребенка в школу, если для класса было запланировано нечто примечательное и интересное» [4, S. 141–142].

Нацистская пропаганда неустанно прославляла германскую мать за выполнение функции «деторождающего чрева», преумножение «генофонда арийской крови», но мать-еврейка строго оценивалась с расовых позиций. Нацисты стремились дискредитировать ее, в том числе в глазах ее собственных детей. М. Клинер-Фрук приводит воспоминания респондентки по фамилии Аппель, повествующей о празднике матери в школе. «В день матери каждый год устраивался большой школьный праздник, и учащиеся исполняли песни в хоре. В этот день мои дочери подошли к учительнице музыки. Она сказала им, что они могут участвовать в празднике, но им нельзя петь вместе со всеми. Дети протестовали со слезами на глазах, заявляя, что они хотят, как и все, петь для своей матери. Но учительница явно не хотела понять чувства детей. Она ответила кратко и свысока: «...я знаю, что у вас тоже есть мать, но это только *еврейская* мать» [8, S. 68].

В первые годы исполнителям антисемитских акций была дана установка: «...не применять насилие против женщин, даже если они были еврейками». Она была обусловлена необходимостью учитывать реакцию международной общественности. Но затем нацисты стали широко применять аресты жен, матерей, дочерей евреев-эмигрантов и евреев, живущих в Германии. В первой половине 30-х гг.

40 % арестованных в качестве заложниц женщин были иудейской веры. До депортаций 1941 г. насилие против евреек sporadически применялось в маленьких поселках. Даже в «хрустальную ночь» побои наносились преимущественно еврейским мужчинам, но женщины составили большую часть из 30 тыс. заложников, схваченных, чтобы принудить еврейское население выплатить 1 млрд марок штрафа нацистским властям [4, S. 62–63]. Но они чаще, чем мужчины, подвергались такому варварскому виду насилия, как стерилизация. Она проводилась в соответствии с принятым расовым законодательством о чистоте арийской крови. Всего в нацистской Германии было стерилизовано 360 тыс. человек, и значительную часть из них, наряду с наркоманками, проститутками, лесбиянками, психически неполноценными, составили еврейские женщины, которые подверглись этой процедуре по расовым мотивам [14, S. 19].

Агрессия против еврейских женщин повсеместно выражалась в вербальных формах. Еврейские женщины, которые не носили имен явного древнееврейского происхождения, а имели имена, привычные для немецкого языка, должны были добавлять к нему еще «Сара», а мужчина – «Израиль». В «третьем рейхе» к еврейской женщине запрещалось обращаться «фрау» (Frau) – ею могла быть только «арийка». Перед фамилией женщины обязательно должно было стоять слово «еврейка», например «еврейка Левенштейн». Еврейка, наряду со славянками, относилась к категории «баб» (Weib) или, более того, к «звероподобному человеку» (Menschentier). Гиммлер в октябре 1943 г. заявил по их поводу: «Мы, немцы, едва ли не единственные в мире, милосердно настроены к животным, но было бы преступлением против своей собственной крови, против нас самих заботиться о них» [13, S. 17]. Подобная политика вызывала кризис идентичности у самих еврейских женщин. Об этом свидетельствует в книге «Под чужой звездой» Лотта Паепке, пережившая нацизм благодаря браку с немцем: «Еврейская женщина? Она являлась существом, которое было ничем, ничтожеством. И она не занимала даже последнего места среди людей, у нее не было никакого места среди них» (цит. по: [4, S. 68]).

Агрессивность внешней среды побуждала еврейских родителей искать пути, чтобы отправить хотя бы детей за пределы Германии. Но международное сообщество предоставило немногочисленные транспорты: в 1934–1939 гг. в Палестину и западные страны было вывезено всего 18 тыс. детей. Еврейские матери, расставшиеся с детьми, с одной стороны, надеялись, что они находятся в безопасности, а с другой – страдали от отсутствия известий от них и невозможности видеться с ними. Однако намного тяжелее было тем женщинам, дети ко-

торых остались в гитлеровской Германии. С 1937 г. они учились в еврейских школах с переполненными классами часто под началом случайных, неквалифицированных учителей. С началом войны еврейским детям было запрещено появляться во дворах, в которых играли дети «арийцев», в парках, на спортплощадках, даже в пригородных рощах. Нацистские власти издали глумливое постановление, позволяющее еврейским детям «играть на кладбищах» и «ухаживать за ними». Тотальное регулирование жизни еврейских семей вылилось в запрет держать любимых детьми кошек, собак, канареек и кампанию по их умерщвлению. Дети получали скудный паек и все более скромную одежду, специальным постановлением были лишены сладостей. Они были обречены на затворничество, и еврейские матери как могли утешали и поддерживали их, призывали к мужеству и терпению. По мере сил еврейские матери занимались их развитием, вместе осваивали школьную программу, организовывали их досуг.

Адаптация к экстремальным условиям потребовала мобилизации всех навыков и умений еврейской женщины. В постоянно ухудшающихся жизненных условиях многие мужья и члены семьи по традиции продолжали надеяться, что женщины решат большинство возникающих бытовых проблем. Переезд в маленькие квартиры и комнаты, в которых нередко кроме семьи проживали лишившиеся крова родственники, требовал от женщин дополнительных физических и психологических усилий. Журнал еврейского союза женщин наставлял своих читательниц летом 1938 г.: «Долг и благоразумие обязывает еврейскую женщину вдумчиво составлять почасовой план для дома, так все организовать, чтобы соблюдались права каждого. Она должна обеспечить своему мужу, хозяину дома, время, в которое он мог побыть один и снять напряжение; продемонстрировать ему готовность услужить, не впадая в подчинение – при современных жизненных условиях потребность в этом намного выше, чем прежде».

Хотя традиция возлагала ответственность за бесперебойное функционирование домашнего хозяйства на женщину, все же в экстремальных условиях эпохи нацизма наметился некоторый сдвиг в выполнении традиционных ролей в семье между мужчиной и женщиной. М. Каплан приводит в своей работе осторожное высказывание еврейской женщины по этому поводу: «...не всегда можно было избежать того, чтобы не переложить часть домашней работы на наших мужчин. ...Почва для этого подготавливалась постепенно через обсуждения и обмен опытом на наших встречах» [4, S. 141–142].

Одной из немногих структур, которые пришли на помощь еврейским женщинам в эпоху нацизма,

были их организации, в первую очередь Союз еврейских женщин, религиозная община. В экстремальных условиях, несмотря на личные трудности, женщины действовали с позиций этнической и религиозной солидарности. Многие из них не только не оставили, но и активизировали участие в благотворительной и социальной работе. Эта деятельность, как и раньше, повышала престиж женщины, однако многие из них выполняли ее по внутреннему побуждению, оказывали помощь соплеменникам даже в годы войны в польских гетто и концентрационных лагерях.

Союз еврейских женщин стремился сплотить женщин на основе национальных традиций, организовать помощь бедствующим. Поскольку многие женщины, особенно из состава состоятельных семей, не имели необходимых навыков ведения домашнего хозяйства, союз разработал программы для них под лозунгом «Помоги себе сам!». Его местные отделения организовывали курсы для участниц по приготовлению простой пищи, шитью, ремонту одежды и жилья, уходу за больными, экономному ведению домашнего хозяйства. При отделениях союза были организованы подсобия детских садов, в которых матери-еврейки могли оставить своих детей, чтобы решить бытовые проблемы. После того как «нюрнбергские» законы ликвидировали право евреев на «зимнюю помощь», получаемую бедствующими гражданами Германии, по инициативе женских союзов была организована подобная помощь для еврейского населения. Женщины собирали деньги, одежду, топливо для особо нуждающихся, мигрантов. В 1936 г. только в Берлине действовало 18 сборных пунктов, которые передали семьям, испытывающим лишения, 30 тыс. пакетов с вещами.

После исключения евреек из женских организаций Германии союз помог еврейским женщинам наладить работу профессиональных групп: учительниц, сиделок, медицинских сестер, социальных работниц и др. Женщины вспоминали, что в условиях «развала, утраты прежней работы... мы получили возможность встречаться с нашими коллегами и слушать интересные доклады». Союз стремился морально поддерживать своих участниц. При его содействии устраивались вечера для еврейских женщин, проживающих в одном квартале, «послеобеденные встречи», на которых женщины могли получить совет, оказать друг другу духовную помощь. Женские организации и община активизировали просветительскую деятельность, в центр которой поставили историю еврейского народа, его исторического наследия, достижения отдельных личностей. В годы национал-социализма многие женщины укрепились в своих религиозных чувствах, начали более глубоко изучать иудаизм, собирались вместе, чтобы прочесть

и обсудить Сидру (еженедельный раздел Торы), обращались к женским образам в Библии, знакомились с произведениями современных еврейских авторов, в частности М. Бубера. Чтобы скрасить существование соплеменников, местные отделения Союза еврейских женщин в 1935–1936 гг. организовывали передвижные библиотеки, выставки еврейских художниц, благотворительные концерты.

Союз еврейских женщин пытался наладить социальную инфраструктуру для еврейских семей. Для детей, не получающих полноценного питания дома, женщины организовали «обеденные столы», оздоровительные приюты в сельской местности. Они создавали подсобия домов отдыха для женщин, старались обеспечить лечение пенсионерок. Союзу удалось создать приют для еврейских мужчин по-

жилого возраста, общежитие для молодых мужчин в Берлине.

Большинство еврейских женщин в условиях нацистской диктатуры проявили верность этническим традициям, понимание которых у них было сформировано религиозным и семейным воспитанием. Они показали высокую степень самопожертвования и солидарности с соплеменниками. Их сопротивление режиму состояло в каждодневном преодолении множества тягот повседневной жизни, основной целью которой с момента установления гитлеровского режима стало сохранение детей, семьи, основ национальной жизни. В то же время политика по отношению к еврейской женщине свидетельствовала о глубоком кризисе германского общества, переживающего жесткий вариант «консервативной» модернизации.

Литература

1. Gidal N.-T. Juden in Deutschland. Von der Römerzeit bis zur Weimarer Republik. Könneman, 1997.
2. Damals. 1996. № 8.
3. Benz W. Die Juden in Deutschland 1933–1945. München, 1993.
4. Kaplan M. Alltagsleben jüdischen Frauen in Deutschland 1933–1938 // Frauen und Faschismus in Europa. Pfaffenweiler, 1990.
5. Leben im Dritten Reich. Sonderheft der Informationen zur politischen Bildung. Beilage zur № 160. Bonn, 1993.
6. Das Dritte Reich. Dokumente. München, 1985.
7. Шульмейстер Ю.А. Гитлеризм в истории Европы. Киев, 1990.
8. Kliner-Fruck M. «Es ging ja ums Überleben»: jüdische Frauen zwischen Nazi-Deutschland, Emigration nach Palästina und ihrer Rückkehr. Fr. a/M., 1995.
9. Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.
10. Deutschland zwischen Diktatur und Demokratie – Weltpolitik im 20. Jahrhundert. Bamberg, 1996.
11. Domansky E., Long J. Der lange Schatten des Krieges. Münster, 2000.
12. Tide G. Die Frau im Nationalsozialismus. München, 1983.
13. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 2000.
14. Frauen im Nationalsozialismus. Dokumente und Zeugnisse. München, 1993.